

"Последнее лето" Микаила Мушфига

вало его к жизни, Мушфиг остался навеки "молодым человеком" азербайджанской поэзии.

Пять наиболее известных поэтов 1930-х годов - Сулейман Рустам, Самед Вургун, Микаил Мушфиг, Расул Рза, Мамед Рагим - имели разное социальное происхождение. Самед Вургун и Расул Рза происходили из обедневших дворянских родов - Вемлювых и Мамедханлы. Отцом Сулеймана Рустама был кузнец, и он этим гордился, отцом Мамеда Рагима - фазтонщик, и он не очень афишировал это. Самед Вургун приехал в Баку из Газаха, Расул Рза - из Гюкча.

Сулейман Рустам и Мамед Рагим были бакинцами или выходцами из его пригородов. Уроженец Хызы, Мушфиг также считается бакинцем. Расул Рза в возрасте шести лет потерял отца, Самед Вургун и Микаил Мушфиг выросли без матери. И эти травмы по-разному, но одинаково глубоко отразились в творческом "я" поэтов.

Расул Рза вспоминал, как друзья упрекали Мушфига в том, что он беспрерывно курит. Мушфиг отвечал: "Столько лет папиросы обеспечивали мое существование, я зарабатывал на хлеб, продавая папиросы, как же я могу изменить имя?"

Расул Рза вспоминал один холодный морозный вечер 1936 года, когда, проходя с Мушфигом мимо сквера Сабира, они встретили мальчишку в рваной одежде, руки его терлись в рукавах пиджака с заплатками. Мальчик предложил им папиросы. Мушфиг остановился как вкопанный, посмотрел на мальчишку, который дрожащими от холода руками протягивал ему мятую пачку, вытаскивал из кармана крупную купюру и, протянув мальчишку,

не взял у него папиросы. В глазах мальчишки были и удивление, и нечаянная радость, в глазах Мушфига - слезы. Он и не скрывал их.

"Я словно встретил свое детство, - сказал он немного погодя. - Сколько врод в такие холодные вечера я потел папирос, я даже сочинил стихи, чтобы привлечь покупателей: "Эй мусульманин, эй урус! Купи отличный, хороший папрус!"

11 февраля следующего, зловещего 1937 года Мушфиг с супругой Дильбер ханум были на свадьбе Расула Рзы и Нияр Рафибейли. На этой же скромной свадьбе присутствовали Гусейн Джавид, Ахмед Джавад, Сеид Гусейн, Мехти Гусейн. Тамадой был Кязим Алекперли. Случая несколько месяцев были репрессированы Джавид, Джавад, Сеид Гусейн, К.Алекперли, Мушфиг.

Жена Мушфига Дильбер ханум, отчасти разделявшая его горькую судьбу (и она была арестована, послана, но выжила, была реабилитирована в 1950-е годы и вернулась), вспоминала: "В марте 1934 года у нас родился сын. Мушфиг был безмерно счастлив, дал мальчику имя Ялчын, но наша радость длилась недолго, ребенок заболел в двухмесячном возрасте и, несмотря на все усилия врачей, умер. Мушфиг был сражен горем, не находил себе места. Друзья часто заходили к нам, пытались утешить. Самый близкий друг Мушфига Расул Рза советовал ему поехать в Москву учиться, чтобы к тому же и немного развлекся".

Но Мушфиг почему-то не поехал. Я думаю, если бы он все-таки поехал учиться в Москву, возможно, это убергло бы его от репрессий 1937 года. Конечно, ни Гусейн Джавид, ни Ахмед Джавад, ни Юсиф Везир Чменземинли, ни Сеид Гусейн ни в чем не были виновны.

Исходя из идеологических и политических понятий той эпохи, объяснением, если не оправданием, ареста Гусейна Джавида могло быть то, что он учился во "враждебной" Турции, в его пьесах сильно влияние турецкой литературы, османского языка, да и темы далеки от современности. Джавад был мусаватистом, автором гимна независимой Азербайджанской Республики. Юсиф Везир - ее послом в Стамбуле. Сеид Гусейн - близкий родственник Мамеда Эмина Расулзаде. Но что могли инкриминировать Мушфи-

гу, выходящу из очень бедной семьи, поэту-романтику, вдохновенно воспевающему новую жизнь своего народа, да же посвятившему поэму Сталину?

В том-то и заключается недоступная нормальному разуму "логика" репрессий, что одна и та же участь постигла и Мушфига, автора стихотворения во славу национального музыкального инструмента - тара ("Пой тар, пой тар, кто тебя забудет!"), и народного комиссара просвещения, большевика Мустафу Кулиева, своим декретом изгнавшего этот самый тар из консерватории.

Дильбер ханум в воспоминаниях "Дни с Мушфигом" писала: "Мушфиг очень любил Расула, он не отличал его от родного брата Мирзы. Их дружба выдержала все испытания. Расул посвятил его памяти поэму "Если не было бы роз". Эта поэма - памятник верности и дружбе".

Поэма Расула Рзы "Если не было бы роз" - одно из первых по времени произведений, посвященных теме репрессий, но только в азербайджанской, но и во всей советской литературе. Автору удалось опубликовать свою поэму лишь много лет спустя после ее создания. Расул Рза воскрешает сцены их первого знакомства с Мушфигом в редакции газеты "Гяндж иши", литературную атмосферу тех лет, дружеское общение молодых писателей и поэтов, живые штрихи их образов.

Эти светлые воспоминания переходят в мрачную явь 37-го года. С полной искренностью описаны в поэме душевные терзания самого автора по поводу этих страшных событий, постоянный риск и опасность превратиться из "товарища" в "гражданина".

Расул Рза писал: "Среди подписей, как предательские пощечины, нанесенные Мушфигу, не было моей подписи, никогда и никогда я не клеймил", но тут же он сокрушается и чистосердечно признается, что не призывал народ воспротивиться всем этим несправедливостям. Впрочем, можно ли было воспротивиться всей этой мерзости "во времена негодяев"?

Можно было лишь разделить участь репрессированных, и это не спасло бы никого и ничего бы не изменило. Еще одной жертвой стало бы больше, и все.

Исследователь Азер Туран в эссе о писателях - жертвах репрессий писал: "Поэму о Мушфиге мог написать только

Расул Рза, чудом уцелевший в 37-м году. Изучая архивные материалы и газетные публикации тех лет, приходишь к выводу, что мучительное молчание Расула Рзы в те времена - достойный ответ тем, кто оправдывает свои неблагоприятные поступки особенностями эпохи. Расул Рза, возможно, единственный поэт, который не обвинил в те годы Джавада, Джавида, Мушфига. Он ни разу нигде не выступил против тех, с кем вчера делил хлеб, или даже против тех, с кем расходился во взглядах. Расул Рза стал председателем Юбилейной комиссии по празднованию 50-летия Мушфига и добился установления памятника ему в Баку. Я как-то писал о том, что даже в сталинские и багировские годы имена многих репрессированных упоминались в нашей семье только с уважением. С особой горечью говорили о Мушфиге. Причем не только его коллеги по поэзии - Расул Рза и Нияр ханум, но и моя бабушка - мать отца, мои тети - сестры отца: ведь для них всех он был очень близким, родным человеком, почти членом семьи. В этой семейной привязанности свою роль сыграли и их совместно проведенные летние месяцы на абшеронских дачах".

Мушфиг, помимо необыкновенного таланта, обладал и феноменальной памятью - без устали читал стихи, не только свои, но и классиков азербайджанской и турецкой литературы.

Суд над Мушфигом начался в 11:20 часов 5 января и продолжался до 11:40. Поэта приговорили к смертной казни и в тот же день расстреляли. Дата смерти, указанная в статье поэта Я. В. Смяжкова - 12 марта 1939 года, является вымышленной.

После смерти Сталина началась волна реабилитаций. Судебное постановление о реабилитации Мушфига датировано 23 мая 1956 года. В октябре 2018 года во время поисковых работ, проведенных в поселке Пута Градагского района Азербайджана были найдены останки, принадлежность которых предположительно относится к Микаилу Мушфигу. По приказу президента Азербайджанской Республики с целью изучения принадлежности останков и проведения экспертизы ДНК была создана рабочая группа, члены которой являются представителями НАНА и Министерства культуры Азербайджана.